

Святитель Феофан Затворник

Детство

Великий учитель Русской Церкви святитель Феофан Затворник, в миру Георгий Васильевич Говоров, родился 10 января 1815 года в селе Чернава Елецкого уезда Орловской губернии.

Его отец, Василий Тимофеевич Говоров, был священником и отличался истинным благочестием. Как выдающийся среди духовенства, он был назначен на ответственную должность благочинного и нес ее в течение 30 лет, заслужив одобрение начальства, а также любовь и уважение подчиненных. Отец Василий был человеком прямого и открытого характера, добросердечный и гостеприимный.

Мать, Татьяна Ивановна, происходила из семьи священника. Она была женщина глубоко религиозная и в высшей степени скромная. Имела тихий, кроткий нрав. Отличительной чертой ее характера была мягкость и доброта сердца, особенно ярко выражавшиеся в ее сострадательности и всегдашней готовности прийти на помощь всякому нуждающемуся. От нее Георгий унаследовал, по свидетельству ближайших родственников, нежное, любящее сердце и некоторые характерные черты личности: кротость, скромность и впечатлительность, а также черты внешнего облика. Счастливая пора детства святителя напоминает подобный же период в жизни вселенских учителей – Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, когда древние матери-христианки в добром семейном воспитании полагали начало будущей славы своих детей.

От отца же святитель Феофан унаследовал сильный и глубокий ум. Отец-священник часто брал с собою сына в храм Божий, где он становился на клиросе или прислуживал в алтаре. При этом развивался в отрочестве дух церковности.

Так под мудрым руководством отца и нежной, любовной попечительностью матери при благочестивой настроенности всего семейства протекали первые годы детства: у родителей кроме Георгия было еще три дочери и три сына.

Учеба в училище и семинарии

Надо сказать, что первоначальное образование отрок Георгий получил в родительском доме: на седьмом году его начали учить грамоте. Отец Василий руководил обучением и прослушивал заданные уроки, а учила детей мать. «Еще в детстве Георгий обнаруживал ум весьма светлый, пытливый, доискивающийся первопричины явлений, быстроту соображения, живую наблюдательность и другие качества, приводившие нередко в удивление окружающих. Еще более возвысился, дисциплинировался и укрепился ум его школьным образованием», – пишет один из биографов святителя Феофана И. Н. Корсунский.

В 1823 году Георгий поступил в Ливенское духовное училище. Отец Василий устроил сына на квартиру к одному из учителей этого училища, Ивану Васильевичу Петину, оказавшему благотворное влияние на мальчика, побуждавшему отрока исправно готовить уроки и учившему его послушанию и благонравию. Нравственный и духовный климат в училище был самый благоприятный. Способный, хорошо подготовленный отрок легко прошел курс духовного училища и через шесть лет (в 1829 году) в числе лучших учеников был переведен в Орловскую духовную семинарию.

Во главе семинарии стоял тогда архимандрит Исидор (Никольский), впоследствии известный иерарх Русской Церкви – митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский. Преподавателями были люди исключительно даровитые и усердные. Так, учителем словесности был иеромонах Платон, впоследствии митрополит Киевский и Галицкий. Философские науки преподавал профессор Остромысленский. Ему был обязан Георгий своим особым интересом к философии и психологии. Это послужило причиной того, что он остался в философском классе на повторном курсе.

В семинарии Георгий учился так же успешно, как и в училище. Именно здесь юноша впервые начал сознательно работать над собой. Уже в это время его характерной чертой была любовь к уединению. В семинарских ведомостях отмечалось, что он отличается «склонностью к уединению»; назидателен в обращении с товарищами; подает собою пример трудолюбия и благонравия; кроток и молчалив».

В годы учебы в семинарии у Георгия появилось необычайное, все более возрастающее благоговение к святителю Тихону Задонскому. Вместе с родными он совершил паломничество в Задонский монастырь, где почивали мощи святителя, в то время еще не прославленного.

Георгий Говоров отлично окончил семинарию и в глубине сердца мечтал об академии, но не надеялся на подобное счастье и уже был занят мыслью о подыскании подходящего сельского прихода. Но неожиданно в 1837 году получает назначение в Киевскую духовную академию по личному распоряжению Преосвященного епископа Орловского Никодима, несмотря на то что ректор семинарии архимандрит Софроний не имел в виду Георгия и был даже против, ибо ценил в учениках твердое заучивание учебника, чем Говоров не отличался.

Учеба в Киевской духовной академии

Киевская духовная академия в те годы процветала. Это было благоприятное время как по доброму нравственному направлению жизни академии так и по обилию талантов в профессорской корпорации. Киевский митрополит Филарет (Амфитеатров), прозванный за святость жизни Филаретом Благочестивым, уделял большое внимание духовно-религиозной жизни студентов. Ректором академии был в то время архимандрит Иннокентий (Борисов) – знаменитый церковный проповедник, читавший лекции по энциклопедии богословских наук. Он приучал студентов говорить проповеди экспромтом и сам увлекал слушателей своими вдохновенными импровизациями. Каждая лекция его и проповедь были событием, пробуждавшим работу мысли и поднимавшим духовный настрой в студенческой семье.

Инспектором Киевской духовной академии с 1838 года был архимандрит Димитрий (Муретов), читавший лекции по Догматическому богословию. О нем свт. Феофан сохранил самые светлые воспоминания: из всех современных ему иерархов его он считал «самым даровитым по уму, широкому образованию и лучшим по жизни». Из других преподавателей особенно выделялся протоиерей Иоанн Михайлович Скворцов, учитель метафизики и философии. Священное писание преподавал в то время молодой и даровитый бакалавр, впоследствии член Санкт-Петербургского духовно-цензурного комитета архимандрит Фотий (Ширевский). Большое влияние на юношей имел также профессор красноречия Яков Кузьмич Амфитеатров, у которого студент Говоров учился глубокой христианской убежденности, простоте слога и ясности мысли.

По свидетельству современников, святитель Феофан именно здесь, в Киевской академии, развил в себе способность и любовь к писательству. Своими письменными проповедническими трудами он снискал уважение не только у сокурсников, но и у преподавателей. «Никто лучше его не писал, – говорил его сокурсник по академии митрополит Московский Макарий (Булгаков), – только по скромности своей он не мог громко читать своего сочинения».

Благодатное влияние оказала на Георгия Киево-Печерская Лавра, впечатления от которой были настолько глубоки и сильны, что святитель до конца своей жизни вспоминал о них с восторгом: «Киевская Лавра – неземная обитель. Как пройдешь брешь, бывало, так и чуешь, что зашел в другой мир».

С разрешения академического и высшего духовного начальства 15 февраля 1841 года он принял постриг с именем Феофан. Чин пострижения совершен был ректором академии архимандритом Иеремией. Вместе с другими новопостриженными он посетил иеросхимонаха Парфения, совет которого выполнял в течение всей жизни: «Вот вы ученые монахи, набравши себе правил, помните, что одно нужнее всего: молиться и молиться непрестанно умом в сердце Богу. Вот чего добивайтесь». 6 апреля 1841 года тем же Иеремиею, но уже епископом Чигиринским в большом Успенском соборе Киево-Печерской Лавры инок Феофан был рукоположен во иеродиакона, а 1 июля – во иеромонаха. В 1841 году иеромонах Феофан в числе первых закончил академию со степенью магистра. На учебно-воспитательском поприще (1841-1855)

27 августа 1841 года иеромонах Феофан был назначен ректором Киево-Софиевского духовного училища. Ему было поручено преподавание латинского языка в высшем отделении этого училища. Он был замечательным педагогом и добивался великолепных результатов. Достигалось это путем умелого сочетания учебного процесса с нравственным и религиозным воспитанием: «Самое действительное средство к воспитанию истинного вкуса в сердце есть церковность, в которой неисходно должны быть содержимы воспитываемые дети. Сочувствие ко всему священному, сладость пребывания среди его, ради тишины и теплоты не могут лучше напечатлеться в сердце. Церковь, духовное пение, иконы – первые изящнейшие предметы по содержанию и по силе», – таков взгляд самого святителя на воспитание детей. Благочестие, высокую нравственность, хорошее поведение он ценил не ниже, чем образование, если не выше. В основу своей воспитательской деятельности он ставил христианскую любовь: «Полюбите детей, и они вас полюбят». За ревностное исполнение своих обязанностей молодой ректор удостоился благословения Святейшего Синода.

Недолго трудился отец Феофан в Киевском духовном училище. В конце 1842 года он был перемещен в Новгородскую духовную семинарию на должность инспектора и преподавателя психологии и логики. Деятельность его в качестве инспектора была очень плодотворна. Чтобы предохранить воспитанников от праздности, он располагал их к физическому труду: к столярному и переплетному ремеслу, к занятиям живописью. В летнее время предпринимались загородные прогулки с целью отдохновения от утомительных умственных занятий. За три года

пребывания в Новгороде он успел проявить себя как талантливый воспитатель и прекрасный преподаватель христианской науки о душе человеческой.

Высшее духовное начальство высоко ценило нравственные качества и умственные дарования иеромонаха Феофана, и потому в конце 1844 года он был переведен в Санкт-Петербургскую духовную академию на должность бакалавра по кафедре Нравственного и Пастырского богословия. К преподаваемым предметам иеромонах Феофан относился с большим вниманием и в подготовке к лекциям проявлял высокую требовательность к себе. Главными источниками его лекций были Священное писание, творения святых отцов, жития святых и психология. Однако он не полагался на свои силы и показал свои лекции знатоку аскетических творений, будущему святителю Игнатию (Брянчанинову), который прочел их и одобрил.

В 1845 году отец Феофан был назначен помощником инспектора академии, а затем стал членом комитета для рассмотрения конспектов наук семинарского образования. В то же время иеромонах Феофан исполнял обязанности инспектора академии. За ревностное исполнение этих обязанностей он был во второй раз удостоен благословения Святейшего Синода, а в мае 1846 года – звания соборного иеромонаха Александро-Невской Лавры. Он глубоко был предан делу доброго христианского воспитания, однако его влекло другое – монашеская уединенная жизнь: «...ученою должностью начинаю тяготиться до нестерпимости. Пошел бы в церковь, да там и сидел».

Скоро представился случай к удовлетворению духовной потребности отца Феофана. В августе 1847 года по его собственному желанию он был назначен членом создаваемой Русской Духовной миссии в Иерусалиме. Вернувшись из Иерусалима в 1854 году в Санкт-Петербург, он за свои труды был возведен в сан архимандрита с присвоением ему титула настоятеля третьеклассного монастыря, а 12 апреля 1855 года он был назначен преподавать каноническое право в Санкт-Петербургской академии. Кроме этого он занимался проповедничеством.

В сентябре 1855 года архимандрит Феофан получил новое назначение – на должность ректора и профессора Олонецкой духовной семинарии. По поручению начальства он должен был заниматься организацией строительства здания для семинарии. Отец Феофан прибыл к назначению в тот момент, когда Олонецкий архиепископ Аркадий был вызван в Санкт-Петербург для присутствия в Святейшем Синоде. Из-за его отсутствия на отца архимандрита были возложены и епархиальные многие дела. В октябре 1855 года он определен членом Олонецкой духовной консистории. Он и здесь нашел сферы деятельности, имевшие близкое отношение к его высокой духовной настроенности и ко благу населения, – это, в первую очередь, проповедование слова Божия и выработка мер борьбы с расколом. Однако главной заботой, отвечающей высоким стремлениям души отца Феофана, было все же воспитание учащихся.

Святая земля. Константинополь

В 1856-1857гг. отец Феофан снова послан на Восток в должности настоятеля Посольской церкви в Константинополе. По возвращении оттуда ему открылось новое поприще для служения Святой Церкви: в мае 1857 года указом Святейшего Синода он был назначен на должность ректора Санкт-Петербургской духовной академии. Особое внимание он обращал на воспитательную работу во вверенной ему академии: он был руководителем и отцом студентов и обращался с ними, как отец со своими детьми. Питомцы академии доверяли своему ректору и свободно обращались к нему со всеми своими нуждами и недоумениями. Архимандрит Феофан усиленно занимался также редакторской и богословско-популяризаторской работой. Ему приходилось принимать много видных ученых и знатных посетителей. В день празднования 50-летия академии ее ректор был награжден знаком ордена Святого Владимира III степени за отлично-ревностную и

полезную службу. Недолго после этого отцу Феофану пришлось быть ректором. Всеблагодарному Промыслу Божию угодно было возвести его в сан епископа.

Но прежде хотелось бы осветить его служение церкви с еще одной стороны – с пастырской и ученой деятельностью за границей. Сам отец Феофан сравнивает свою странническую жизнь, полную разнообразной деятельности, с шаром, без треска и шума катящимся туда и сюда по направлению сообщаемых ему ударов. В этих словах его выражается покорность воле Божией.

Итак, в августе 1847 года иеромонах Феофан был назначен членом создаваемой Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, во главе которой стоял архимандрит Порфирий (Успенский) – прекрасный знаток Востока, известный церковный археолог, человек замечательного ума и несокрушимой энергии. 14 октября 1847 года миссия отправилась из Петербурга в Палестину через Киев, Одессу и Константинополь, и 17 февраля 1848 года была радушно принята в Иерусалиме Блаженнейшим Патриархом Кириллом.

Цель миссии определялась следующим кругом обязанностей:

иметь в Иерусалиме представителей Русской Церкви и образец нашего благолепного служения,

преобразовать мало-помалу само греческое духовенство, ибо оно переживало упадок нравственности, возвысить оное в собственных его глазах и паствы, привлечь к Православию колеблющихся и отступивших от Православия вследствие недоверия к греческому духовенству и влияния со стороны разных вероисповеданий.

Кроме того, множество богомольцев и паломников из России требовали удовлетворения тех или иных религиозных нужд.

Члены Миссии имели постоянное местожительство в Иерусалиме и, знакомясь с христианским Востоком, посетили многие святые места Палестины, Египта и Сирии. Отец Феофан трудился особенно усердно, неукоснительно выполняя все, что от него требовали.

Вместе с тем он успевал многое сделать и для самообразования: выучился иконописи, прекрасно изучил греческий язык, основательно – французский, занимался еврейским и арабским языками, ознакомился с памятниками аскетической письменности прошлых веков, изучал библиотеки, отыскивал старинные рукописи в древнейшем монастыре Саввы Освященного. В Иерусалиме отец Феофан досконально ознакомился с лютеранством, католичеством, армяно-григорианством и другими вероисповеданиями, на деле узнал, в чем заключается как сила их пропаганды, так и слабость. В беседах с инославными члены миссии раскрывали истинность Православия, но наилучший, наглядный пример превосходства своего вероисповедания они являли своей высоконравственной, благочестивой жизнью.

В 1853 году началась Крымская война, и Русская Духовная Миссия 3 мая 1854 года была отозвана. Возвращаться на родину пришлось через Европу. По пути в Россию иеромонах Феофан побывал во многих европейских городах, и везде он осматривал храмы, библиотеки, музеи и другие достопримечательности. Например, в Италии, стране классического искусства, отец Феофан как большой любитель и знаток живописи интересовался произведениями живописи. В Германии подробно познакомился с постановкой преподавания в учебных заведениях различных наук, особенно богословия. За ученые труды и рвение к исполнению возложенных на него обязанностей иеромонах Феофан всемилоостивейше был пожалован 5 мая 1851 года кабинетным золотым наперсным крестом.

Определение Святейшего Синода от 21 мая 1856 года архимандрита Феофана на важный и ответственный пост настоятеля Посольской церкви в Константинополе обуславливалось тем обстоятельством, что он был хорошо знаком с православным Востоком и был вполне подготовлен к этой должности.

Константинопольская Церковь в то время переживала сложный период в связи с конфликтом между греками и болгарами. Болгары отстаивали свою религиозную

самостоятельность и требовали богослужения на родном языке и пастырей из своего народа. Константинопольская патриархия категорически не соглашалась на какие-либо уступки. Болгар в законных требованиях поддерживало турецкое правительство, представители западных держав и архимандрит Феофан, снискавший своей симпатией и искренним желанием помочь этому народу большую его любовь к себе. Впрочем, отец Феофан со всеми жил в мире: и с болгарами, и с греками, и с членами посольства, и со всеми сослуживцами.

Архимандрит Феофан исполнил возложенную на него миссию и в марте 1857 года представил архиепископу Иннокентию подробный отчет, обстоятельно освещающий положение греко-болгарской распри, а также раскрывающий состояние Восточной Православной Церкви вообще, главным образом, Константинопольского Патриархата. Этот отчет имел большое значение впоследствии при обсуждении греко-болгарской распри Святейшим Синодом Русской Православной Церкви.

Находясь за границей, архимандрит Феофан еще более усовершенствовал свое знание греческого языка, что блестяще проявилось в его переводческой деятельности. Он собрал здесь много жемчужин святоотеческой мудрости в области аскетической письменности.

17 апреля 1857 года архимандрит Феофан был награжден орденом Святой Анны II степени.

Архипастырские труды святителя Феофана Затворника в Тамбовской епархии

29 мая 1859 года состоялось наречение архимандрита Феофана во епископа Тамбовского и Шацкого. Епископская хиротония была совершена 1 июня, а 5 июля святитель Феофан вступил в управление епархией. «Мы уже не чужие друг другу, – произнес он, приветствуя свою паству. – В час наречения, еще не ведая вас, я уже вступил в общение с вами, дав обет Богу и Святой Церкви вам принадлежать заботою, трудами и даже своей жизнью. Равным образом и вы должны определить себя на внимание и, в нужном случае, на послушание моему немощному слову и делу по вере и любви. С сей минуты у нас добро и зло общи».

Много забот, трудов, разного рода препятствий, даже огорчений ожидало преосвященного Феофана на Тамбовской кафедре. Епархия была одной из самых обширных и многолюдных. Служение святителя продолжалось только четыре года, но за это время он необыкновенною кротостью своего характера, редкой деликатностью и участливейшим вниманием к нуждам пасомых успел сродниться со своей паствой и приобрести всеобщую самую искреннюю любовь.

Владыка Феофан проявил себя ревностным служителем во всех сферах церковной жизни. Его внимание было сосредоточено преимущественно не на делах внешнего управления, а на душепопечительном служении. Это был истинный архиерей Божий, истинный евангельский пастырь, способный положить душу свою за овцы своя.

В деле религиозно-нравственного просвещения огромное значение принадлежит церковному проповедованию слова Божия, и потому святитель Феофан почти каждое богослужение сопровождает проповедью. Его проповеди представляют собой не продукт сухой умственной работы, а живое и непосредственное изливание чувствующего сердца. Святитель умел так овладеть вниманием слушателей, что в храме водворялась совершенная тишина, вследствие чего слабый голос его слышен был в самых отдаленных углах храма.

Основную задачу проповеднических трудов сам владыка ясно и определенно выразил следующим образом: «Лучшее употребление дара писать и говорить есть обращение на вразумление и пробуждение грешников от усыпления, и такую должна быть всякая церковная проповедь и всякая беседа».

Заботился святитель Феофан и о повышении образования самого духовенства. По его ходатайству перед Святейшим Синодом с 1 июля 1861 года при Тамбовской духовной семинарии стали выходить «Тамбовские епархиальные ведомости». В каждом номере он помещал не менее двух проповедей. Одна проповедь была святоотеческая, а другая – произнесенная им самим или кем-либо из тамбовских пастырей.

Предметом его пристального внимания и забот были духовно-учебные заведения епархии: нередко владыка посещал Тамбовскую семинарию и присутствовал на экзаменах. Заботился он и о внешнем благоустройстве духовно-учебных заведений. Святитель много потрудился, дабы открыть училище для девиц из духовного сословия, однако само открытие состоялось после перевода владыки во Владимир. Святитель изыскивал различные способы образования простого народа. При нем стали действовать церковноприходские школы, в помощь им – частные школы грамотности, а также воскресные – в городах и больших селах. Немало было забот и о благоустройстве монастырей; особенно много пришлось хлопотать относительно Дивеевского женского монастыря, где в то время произошли большие беспорядки. В одну из поездок с целью обозрения храмов и монастырей своей епархии святитель Феофан посетил Вышенскую пустынь, которая нравилась ему строгим иноческим уставом и красивым месторасположением.

Чиста и возвышенна была частная, домашняя жизнь святителя Феофана Затворника. Он вел очень простой образ жизни. Много молился, но находил время и для научно-литературной работы. Редкие минуты досуга наполнялись рукоделием – столярной и токарной работой по дереву, и только на короткое время владыка выходил на прогулку в сад. Владыка горячо любил природу, восхищался ее красотой, во всем видел следы премудрости Творца. В ясную погоду по вечерам наблюдал за небесными светилами в телескоп, и тогда обычно слышалось из уст астронома, умиленного созерцанием необъятного мира: «Небеса поведают славу Божию».

Никто никогда не слышал от святителя Феофана грозного слова начальника. «Вот программа начальствующих всех родов, – советовал владыка, – растворяй строгость кротостью, старайся любовью заслужить любовь и бойся быть страшилищем для других. Истинная доброта не чуждается, где должно, строгого слова, но оно в устах его никогда не имеет горечи обличения и укора». Доверие его к людям, в частности к подчиненным, было безгранично. По своей нравственной деликатности и благородству души он боялся оскорбить человека даже намеком на подозрение или недоверие.

Летом 1860 года Тамбовскую губернию постигла страшная засуха, а осенью начались пожары в самом Тамбове, в уездных городах и селениях. В эти трудные для епархии времена преосвященный Феофан явился истинным ангелом-утешителем своей паствы и вещим истолкователем воли Божией, проявившейся в народных бедствиях. Наставления его по внутренней силе мысли, сердечности и одушевленности напоминают знаменитые слова святого Иоанна Златоуста в подобных случаях.

При ближайшем участии епископа Феофана было совершено открытие мощей святителя Тихона Задонского. Произошло это 13 августа 1861 года. «Невозможно описать радости преосвященного Феофана по этому случаю!» – пишет находившийся тогда в Задонске его племянник А. Г. Говоров.

Недолго тамбовской пастве пришлось быть под управлением святителя Феофана: 22 июля 1863 года он был перемещен на древнюю, более обширную Владимирскую кафедру. В прощальном слове к пастве епископ Феофан произнес: «...Всеуправляющая десница Божия, сведши нас вместе, так сочетала души, что можно бы и не желать разлучения. Но как Тому же Господу угодно было так положить на сердце тем, в руках коих сии жребии перемен, то надобно благодушно покориться определениям Божиим...»

На Владимирской кафедре

В конце августа 1863 года епископ Феофан прибыл в богоспасаемый град Владимир. Служение его на новом месте было еще разнообразнее и плодотворнее, чем на Тамбовской кафедре. За три года служения здесь он произнес 138 проповедей. «Народ тут больно хорош... дивятся. С самого приезда доселе еще ни одной службы не было без проповеди... и слушают».

Владимирская епархия весьма нуждалась в православном миссионерстве, так как губерния была колыбелью раскола: скрываясь из Москвы от преследований правительства, раскольники находили здесь пристанище и немало последователей. Святитель Феофан предпринимал путешествия в раскольничьи центры епархии, где произносил поучения и в самой простой и доступной форме раскрывал несостоятельность раскола как с исторической точки зрения, так и по существу.

За усердную и плодотворную архипастырскую деятельность на Владимирской кафедре во благо Святой Церкви 19 апреля 1864 года епископ Феофан был награжден орденом Анны I степени.

Но святитель Феофан желал уединения, покоя и тишины для того, чтобы заняться трудами духовного писательства и тем послужить Святой Церкви и спасению ближних. Этому препятствовала обширная практическая деятельность. Как епархиальный архиерей он обязан был заниматься и такими делами, которые не сродни были его характеру и часто нарушали его высокое настроение, доставляли скорбь его любвеобильному сердцу. Свое внутреннее состояние он выразил в одном из писем: «В делах никакой трудности не вижу, только душа к ним не лежит». Посоветовавшись со своим духовным руководителем, митрополитом Исидором, епископ Феофан подал прошение в Святейший Синод об увольнении его на покой с правом пребывания в Вышенской пустыни. 17 июля 1866 года святитель Феофан после долгих колебаний со стороны высшего начальства был освобожден от управления Владимирской епархией с назначением на должность настоятеля Вышенской пустыни. Во время прощания архипастыря со своей паствой ясно обнаружилось, какой великой любовью пользовался святитель Феофан в своей епархии. По свидетельству очевидца, многие из предстоящих в храме обливались слезами, ибо сознавали, что уже никогда не увидят дорогого им пастыря.

Вышенский затворник

28 июля после молебна епископ Феофан отправился прямо на Вышу. Сначала он поселился в настоятельских покоях. Позже, к 1867 году, владыка переселился в деревянный флигель, специально для его проживания надстроенный над каменным просфорным корпусом архимандритом Аркадием.

Суетная должность настоятеля нарушала внутренний покой епископа Феофана. Вскоре, 14 сентября 1866 года, святитель Феофан послал в Святейший Синод прошение об увольнении его от управления Вышенской обителью и назначении ему пенсии. Святейший Синод удовлетворил его просьбу. Освободившись от забот по управлению монастырем, преосвященный Феофан начал вести истинно подвижническую жизнь. Вместе с иноками в течение шести лет он ходил ко всем церковным службам, а в воскресные и праздничные дни сам совершал Литургию соборно с братией. Благоговейным служением епископ Феофан доставлял духовное утешение всем присутствующим в храме. Игумен Тихон впоследствии вспоминал: «Едва ли кто из нас, иноков Вышенских, когда-либо слышал во святом алтаре какое стороннее слово из уст святителя Феофана, кроме последования богослужебного. И поучений он не говорил, но самое служение его пред Престолом Божиим было живым поучением для всех».

Когда владыка не служил сам, а лишь посещал богослужение в храме обители, молитва его была в высшей степени поучительна. Он закрывал глаза ради собранности ума и сердца и весь отдавался сладостной беседе с Богом. Глубоко погруженный в молитву, он как бы совершенно отрешался от внешнего мира, от

всего окружающего. Нередко случалось, что инок, подносивший ему в конце Литургии просфору, стоял несколько времени, дожидаясь, пока великий молитвенник снизойдет духом в наш дольний мир и заметит его.

Близко познакомившись с внутренним распорядком обители, святитель писал Н. В. Елагину: «Мне здесь крепко хорошо. Порядки здесь истинно монашеские. Из братии есть лютые подвижники... образчик – восьмидесятилетний старик, никогда не присядет в церкви и ворчит на других за это. Служб наберется 8-10 часов. Начинаются с 3 часов утра. Последняя бывает в 7 часов вечера. Пение саровское».

Как ни мало уделял времени Преосвященный Феофан сношениям с внешним миром, и, в частности, приему посетителей, но все же это отвлекало его от главного дела, ради которого он пришел на Вышу. И тогда явилась мысль о полном затворе, которая, впрочем, осуществилась не вдруг. Сначала святитель провел в строгом уединении Святую Четыредесятницу, и опыт был удачным. Потом он уединился на более продолжительное время – на целый год, после чего уже бесповоротно был решен вопрос о полном затворе.

Уединение святителя оказалось «слаще меда», и Вышу он считал «жилищем Божиим, где Божий небесный воздух». Частично райское блаженство он испытал уже здесь на земле, в этом самом уголке необъятной России, который во дни жизни святителя был и вовсе захолустным. Но кому уж теперь неизвестны слова святителя-затворника о том, что «Вышу можно променять только на Царство Небесное»? Или вот еще встречаются строки в его письмах об этом благословенном уголке России: «Нет ничего на свете краше Вышенской пустыни!» или: «Выша – преутешительная и преблаженная обитель...у нас, например, рай растворенный. Такой глубокий мир!» До самой своей блаженной кончины святитель чувствовал себя вполне счастливым. «Вы называете меня счастливым. Я и чувствую себя таковым, – писал он, – и Выши своей не променяю не только на Санкт-Петербургскую митрополию, но и на патриаршество, если бы его восстановили у нас и меня назначили на него». Что же скрывалось за этим так называемым «покоем», за этим затвором, за этим блаженством? Колоссальный труд, ежедневный подвиг, который современному человеку и представить немислимо, не то что подъять на себя. Сам же владыка, умалая свои подвиги, сокрывая их перед людьми по глубочайшему смирению, имея эту добродетель как некий духовный фундамент в основании души, в одном из писем дает такую характеристику своему затвору: «Меня смех берет, когда скажет кто, что я в затворе. Это совсем не то. У меня та же жизнь, только выходов и приемов нет. Затвор же настоящий – не есть, не пить, не спать, ничего не делать, только молиться... Я же говорю с Евдокимом, хожу по балкону и вижу всех, веду переписку... ем, пью и сплю вдоволь. У меня простое уединение на время».

Наиглавнейшим занятием святителя-затворника была молитва: ей он предавался в течение дня и нередко – ночи. В келиях владыка устроил малую церковку во имя Крещения Господня, в которой служил Божественную литургию во все воскресные и праздничные дни, а в последние 11 лет – ежедневно.

Надо сказать, святитель Феофан обладал одной из самых крупных частных библиотек того времени, более чем наполовину состоявшей из иностранных книг, ибо он изучил несколько языков, будучи шесть лет (1847-1853) на службе в Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и почти год (1856-1857) в Посольской церкви в Константинополе в должности настоятеля.

Несомненно, много времени и труда посвящалось чтению как духовных, так и светских книг – разных по содержанию: исторических, философских, научно-естественных, книг русских и зарубежных классиков – Пушкина, Грибоедова, Шекспира. У него имелись и книги по медицине, в основном – по гомеопатии, анатомии, гигиене, фармакологии.

Занятия Вышенского Затворника не ограничивались одной молитвой, богомыслием и чтением. Внимательно читаемое глубочайше осмысливалось, доводилось до чувства и излагалось просто, доходчиво и по-богословски возвышенно, с подробнейшими изъяснениями: в реализации писательских

способностей он видел свое служение Церкви. В одном из писем находим такие строки: «Писать – это служба Церкви или нет?! Если служба, – подручная, а между тем Церкви нужная; то на что же искать или желать другой?»

Зная языки, святитель Феофан затворник занимался переводом. Одна из самых неопенимых заслуг в этой области его деятельности – перевод Добротолубия с греческого языка. Владыка обладал древними рукописями восточных подвижников. Как драгоценные жемчужины собирал он их, будучи на православном Востоке.

Отвечая на множество писем – порой от 20 до 40 в день, святитель Феофан содействовал духовному возрождению современного ему общества. Помимо духовно-литературных и научных трудов он занимался иконописью, музыкой, разнообразным рукоделием, выращиванием растений на балкончике, наблюдением за небесными светилами. Помимо этого он сам шил для себя одежду. Потребуется несколько страниц для того, чтобы только перечислить всё то, что было им написано в затворе, начавшемся в 1873 году и продолжавшемся до самой кончины, последовавшей 6 января 1894 года, в день Богоявления Господня. Все богословское наследие писателя-затворника пронизано мыслью о спасении души. В келиях святителя-затворника обнаружены были после его кончины такие учебные пособия и инструменты, как телескоп, 2 микроскопа, фотографический аппарат, анатомический атлас, 6 атласов по географии, а также по церковной и библейской истории и другие предметы, соответствующие его занятиям.

К сожалению, из этих предметов ничего не уцелело. Глубоко скорбел об утрате библиотеки архимандрит Аркадий (Честонов; 1825-1907), настоятель Вышенской Успенской пустыни: он был уверен, что библиотека поступит в Московскую духовную академию, которая начинала дело о покупке, и таким образом духовные сокровища станут достоянием науки и ее представителей и найдут себе достойное и широкое применение. Однако библиотека была приобретена у наследников епископа Феофана московским купцом Лосевым и принесена в дар московской Никольской церкви в Толмачах.

Текст Жития – с официального сайта «Свято-успенского Вышенского монастыря».

святитель Феофан Затворник

Сборник «Святые отцы о молитве и трезвении» Святоотеческие наставления о молитве и трезвении или о внимании в сердце к Богу

Глава 2

Глава 1. Святого Василия Великого наставления о молитве и трезвении

1) Молитва есть прошение благ, воссылаемое благочестивыми к Богу. – Но надобно не в словах одних поставлять молитву, а паче в душевном расположении молитвенном. И молиться надобно всегда, при всяком случае. Сидишь ли за столом, – молись; вкушая хлеб, воздай благодарение Давшему; подкрепляя немощь тела вином, помни Подавшего тебе дар сей на веселие сердцу и в облегчение недугов. Миновалась ли потребность в снедах – да не прекращается памятование о Благодетеле. Надеваешь хитон, – благодари Давшего; одеваешься в одежду, – усугубь любовь к Богу, даровавшему нам покровы, пригодные для зимы и лета, охраняющие жизнь нашу и закрывающие наше безобразие. Прошел ли день? Благодарю Даровавшего нам солнце для отправления дневных дел, и Давшего огонь освещать ночь и служить для прочих житейских потреб. Ночь пусть доставит тебе другие побуждения к молитве. Когда возришь на небо и устремишь взор на красоту звезд, молись Владыке видимого, и поклонись наилучшему Художнику всяческих, Богу, Который «**вся премудростию сотворил**» (Пс.103:24). Когда увидишь, что вся животная природа объята сном, опять поклонись Тому, Кто посредством сна и против воли нашей разрешает нас от непрерывности трудов, и чрез малое успокоение опять приводит в бодрость силы. Поэтому ночь не вся да будет у тебя уделом сна, – не попускай, чтобы от сонного бесчувствия сделалась бесполезною половина жизни; напротив, ночное время да разделится у тебя на сон и на молитву. Таким образом непрестанно будешь молиться, не в словах заключая молитву; но чрез все течение жизни приближаясь к Богу, чтобы жизнь твоя была непрерывною и непрестанною молитвою (4, 68, 69).

2) На всякое призывание тебя к молитве отвечай: «готово сердце мое», и до последней МОЛИТВЫ будь на богослужении, почитая великим ущербом оставить молитву. Ибо если, вкушая пищу для подкрепления своей плоти, остаешься безвыходно за трапезой, пока не удовлетворишь потребности, и без большой необходимости не легко выйдешь из-за стола: то не тем ли паче должен ты до конца оставаться во время духовного питания и укреплять душу молитвою? Ибо сколько разности у неба с землею и у небесного с земным, столько же разности у души с телом. Душа – подобие неба, потому что в ней обитает Господь; а плоть – из земли, на которой обитают смертные люди и бессловесные животные. Поэтому нужды телесные соразмеряй с часами молитв, и приготовься не слушаться помысла, который отвлекает тебя от общего молитвословия. Ибо у диавола в обычае в часы молитвы, под предлогом благовидной конечно причины, побуждать нас к отлучке, чтобы благовидно отвлечь нас от молитвы. Не говори в извинение: у меня болит

голова, болит живот, представляя неизвестных свидетелей небывалой болезни и для упокоения ослабляя в себе усилие ко бдению. Напротив того, совершай еще и тайные молитвы, которые Бог видит в тайне, и за которые воздаст тебе «Яве» ([Мф. 6:6](#)).

3) Вся жизнь да будет временем молитвы. Но поелику напряженности псалмопения и коленопреклонения надобно давать отдых некоторыми перерывами: то всего более должно соображаться с теми часами, которые употребляемы были на молитву святыми в образец нам. Так великий Давид говорит: «**Полунощи востах исповедатися Тебе о судьбах правды Твоя**» ([Пс. 118:62](#)). А ему, как видим, последуя Павел и Сила в полунощи хвалят Бога в темнице ([Деян. 16:25](#)). Потом тот же пророк говорит: «**Вечер и завтра и полудне повем и возвещу**» ([Пс. 54:18](#)). Но и в третий час совершается пришествие Духа Святаго, как знаешь из Деяний ([Деян. 2:15](#)). Девятый час напоминает страдание Господне, совершившееся нашей ради жизни. Но поелику Давид говорит: «**Седмерицею днем хвалих тя о судьбах правды Твоя**» ([Пс. 118:164](#)), а помянутые времена [молитвы](#) не наполняют собою седмичного числа молитв; то полуденную молитву надо разделить на молитву пред принятием пищи, и на молитву по принятии оной, чтобы и нам, при каждом круговращении дня служило образцом сие правило: «седмерицею днем хвалить Бога».

4) Для прочего всему свое есть время, по слову Екклесиаста: «**время всякой вещи**» ([Еккл. 3:1](#)); но для молитв и псалмопения пригодно всякое время. Почему, и между тем, как движешь руку на дело, «или» языком, когда возможно сие, лучше же сказать, когда полезно к созиданию веры, «или», если то невозможно, сердцем «во псалмах и пениях и песнях духовных» воспевай Бога, и между делом совершай молитву, как благодаря Того, Кто дал силу рук на дела, и мудрость ума на приобретение знания, Кто дал вещество, из которого сделаны орудия, «так» моля направить дела рук наших к цели благоугождения Богу. Таким образом достигнем собранности, когда, по сказанному, при всяком действии будем у Бога просить успеха в делании, воздавать благодарение Давшему деятельную силу и соблюдать цель благоугождения Ему. Ибо, если не употребим при этом сего способа, то как может быть совмещено сказанное у Апостола: «**Непрестанно молитесь**» ([1Сол. 5:17](#)), и: «**ночь и день делающее**» ([2Сол. 3:8](#))?.

5) Не должно пренебрегать установленные времена молитв, потому что каждое из них особенным образом напоминает о благах, подаваемых от Бога. Так не должно пренебрегать утра, чтобы первые движения души и ума посвящаемы были Богу, чтобы мы ничем другим не озабочивались, пока не возвеселены мыслию о Боге, по написанному: «**Помянух Бога и возвеселихся**» ([Пс. 76:4](#)), чтоб и тело не приводило в движение для делания, пока не исполним сказанного: «**Завтра услыши глас мой: завтра предстану Ти, и узриши мя**» ([Пс. 5:4](#)). И в третий час должно вставать на молитву, вспоминая дар Духа, данный в третий час Апостолам, чтобы и нам сделаться достойными принятия святыни, и испросить у Духа руководства и учения на пользу, подражая сказавшему: «**Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей. Не отвержи мене от лица Твоего и Духа Твоего Святаго не**

отыми от Мене. Воздаждь ми радость спасения Твоего, и Духом Владычным утверди мя» (Пс. 50:12-14). Потом опять приниматься за дела. В шестой же час признали мы необходимым в подражание святым молиться, говоря: «Вечер и завтра и полудне повем и возвещу, и услышит глас мой» (Пс. 54:18), а чтоб избавиться и беса полуденного, читая вместе и девяностый псалом. О том же, что девятый час нужен нам на молитву, предано нам самими Апостолами в книге Деяний, где повествуется, что «Петр и Иоанн восхождаете во святилище на молитву в час девятый» (Деян. 3:1). А по окончании дня нужны как благодарение за то, что в день сей дано нам, или благоуспешно нами исполнено, так исповедание в том, что, чего мы не выполнили, произвольно ли было наше прегрешение, или непроизвольно, или даже тайно, состояло ли оно в словах, или в делах, или заключалось в самом сердце; за все должны мы умилоствовать Бога молитвою. Ибо обозрение прошедшего весьма полезно, чтоб снова не впасть нам в подобные грехи, почему и сказано: «яже глаголете в сердцах ваших, на ложах ваших умилитесь» (Пс. 4:5). Но опять и при наступлении ночи нужно просить, чтобы упокоение наше было непреткновенно и свободно от мечтаний, читая и в этот час девяностый псалом. А что и полночь нужна нам на молитву, это передал Павел и Сила, как сказует история Деяний, говоря: «В полунощи же Павел и Сила молящися, пояху Бога» (Деян. 16:25). И Псалмопевец говоря: «в полунощи востах исповедатися Тебе о судьбах правды твоя» (Пс. 118:62). Опять надобно вставать на молитву и предваряя утро, дабы день не застал нас во сне и на ложе, по словам сказавшего: «Предваристе очи мои ко утру, поучатися словесем твоим» (Пс. 118:148). Тем, которые решились жить тщательно во славу Бога и Христа Его, не надобно пренебрегать ни одного из сих времен.

6) Как достигнуть нерассеянности в молитве? – Несомненно убедившись, что Бог пред очами. Если тот, кто видит пред собою начальника, или настоятеля, и беседует с ним, не отвращает от него взора: то кольми паче молящийся Богу (с показанным убеждением) будет иметь ум, не уклоняющийся от Испытующего сердца и утробы, исполняя написанное: «воздеюще преподобныя руки без гнева и размышления» (1Тим. 2:8).

7) Можно ли достигнуть нерассеянности во всем и во всякое время, – и как сего достигают? – Что сие возможно, показал тот, кто сказал: «Очи мои выну ко Господу» (Пс. 24:15), и: «Предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся» (Пс. 15:8). А как сие возможно, о том сказано выше. – именно же, – для сего не должно давать душе времени быть праздною от помышления о Боге и о Божиих делах и дарах, также от исповедания и благодарения за все. (Там же).

8) Какая это «клеть», в которую Господь повелевает войти молящемуся (Мф. 6:6)? – «Клетью» обыкновенно называется пустая и отдельная хранилище, в которую кладем, что хотим сохранить, или в которой можно скрыться. А силу заповеди объясняет самый предмет речи, потому что она обращена к страждущим недугом человекоугодия. Почему, если кого беспокоит сей недуг, то прекрасно он делает, устраняясь и уединяясь в молитве, пока не будет в состоянии приобрести навык не обращать внимания на похвалы людские, а взирать только на Бога, по примеру

сказавшего: «Се, яко очи раб в руку господий своих, яко очи рабыни в руку госпожи своея: тако очи наши ко Господу Богу нашему» ([Пс. 122:2](#)). – Но если кто по благодати Божией чист от недуга сего, то нет ему надобности скрывать прекрасное; чему научая, сам Господь говорит: «Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят добрыя дела ваша и прославят Отца вашего, иже на небесех» ([Мф. 5:16](#)). Тот же смысл заповеди о милосердии и о посте, о которых говорится в том же месте, и вообще о всяком деле благочестия.

9) Что значит: «пойте разумно» ([Пс. 46:8](#))? Что в рассуждении сней ощущение качества каждой сней, то в рассуждении слов Писания разумение. Ибо сказано: «гортань брашна вкушает, ум же (в славян. «ухо»; но и св. Златоуст читает: «ум».) словеса рассуждает». Посему, если у кого душа так чувствительна к силе каждого слова, как вкус чувствителен к качеству каждой сней; то он исполнил заповедь, которая говорит: «пойте разумно» (5, 356).

10) По какой причине человек теряет всегдашнее памятование о Боге? Если он не памятует благодеяний Божиих и оказывается несознательным пред благодетелем (5, 364).

11) Молитву должно всему предпочитать. Марфа принимает (заботится угостить) Господа, а при ногах Его сидит Мария. В обеих сестрах видно прекрасное усердие; но ты различай дела. Господь одобрил усердие обеих женщин: но Марию предпочел Марфе. Марфа – образ деятельного служения другим; Мария – образ созерцательного предстояния Богу в молитве. Подражай чему хочешь: тем и другим приобретешь плод спасения; впрочем, последнее выше первого. «Мария... благую часть избра» ([Лк. 10:42](#)). Если и ты хочешь быть таинником Христовым, сядь при ногах Его и пребывай в молитвенном созерцании Его (5, 379–81).

12) Молитва имеет два вида: первый – славословие с смиренномудрием, а второй низший – прошение. Посему, молясь, не вдруг приступай к прошению; в противном случае сам о своем произволении даешь всем знать, что молишься Богу, вынужденный потребностью. Поэтому, начиная молитву, оставь себя самого, жену, детей, расстанься с землею, минуй небо, оставь всякую тварь видимую и невидимую, и начни славословием все Сотворшего: и когда будешь славословить Его, не блуждай умом туда и сюда, не баснословь по язычески, но выбирай слова из святых Писаний и говори: Благословляю тебя, Господи, долготерпеливого и незлобивого. Для того, Господи, Ты молчишь и терпишь нас, чтобы мы славословили Тебя, домостроительствующего спасение рода нашего, и под. Когда же кончишь славословие, по мере сил твоих заимствованное из Писаний, и возшлешь хвалу Богу, тогда начни со смиренномудрием и говори: недостойн я, Господи, говорить пред Тобою; потому что весьма грешен, – более всех грешников грешен я. Так молись со страхом и смиренномудрием. Когда же совершишь обе эти части славословия и смиренномудрия, тогда проси уже, чего должен ты просить, т. е. не богатства, не славы земной, не здравия телесного, потому что Он сам знает, что полезно каждому: но, как повелено тебе, проси Царствия Божия. Царь наш преименит и негодует, если кто попросит у Него какой малости, если кто из нас просит у Него недостойного.

Поэтому молитвою своею не наведи на себя негодования, но проси себе того, что достойно Царя Бога (5, 381–3).

13) Прося того, что достойно Бога, не переставай просить, пока не получишь. На сие наводя мысль, Господь сказал притчу о выпросившем в полночь хлебы у друга своего неотступностию ([Лк. 11:5–7](#)). Господь представляет нам пример сей, чтобы научить нас быть неослабными и неотступными в молитве с верою, не теряя надежды и не отчаиваясь, если не вдруг получим просимое. Хотя пройдет месяц, и год, и трехлетие, и большее число лет, пока не получишь, не отступай, но проси с верою, непрестанно делая добро (5, 384).

14) Итак проси неотступно Бога о всем касающемся спасения твоего и преуспевания в добре, и непременно получишь. Но при сем ведай, что ты и с своей стороны должен делать все посильное; к Богу же вопиять о помощи, чтобы Он был тебе помощником. Ибо если кто по непостоянству сам предаётся похотениям (противным заповедям), то Бог не помогает ему и не слушает его молитв, потому что он предварительно сделал себя чуждым Бога чрез [грех](#). Кто хочет иметь помощь от Бога, тот не изменяет обязанности: и кто не изменяет обязанности, тот никогда не бывает оставлен без Божия вспомоществования. Поэтому не должно доводить себя до того, чтоб его осуждала в чем-либо собственная совесть, и в таком состоянии призывать Божию помощь (5, 385).

15) Призывать же ее должно не с нерадением, не умом скитающимся там и здесь. Такой не только не получит просимого, но еще более преогорчит Владыку. Если и тот, кто стоит и ведет речь пред князем, стоит с великим страхом, не позволяя блуждать, как внешнему своему оку, так и внутреннему душевному, чтобы не подвергнуться опасности; то не тем ли паче со страхом и трепетом надо стоять пред Богом, весь ум устремляя к Нему единому, а не к чему либо иному? Потому что Он не только подобно людям видит внешнего человека, но прозирает и во внутреннего. Посему, если будешь стоять пред Богом, как надобно, и с своей стороны все сделаешь, то не переставай просить просимого тобою, и несомненно получишь. (Там же).

16) Если будешь осуждаем совестью своею, как презритель заповедей Божиих, и если будешь стоять на молитве рассеянно, когда бы мог стоять и нерассеянно, то не дерзай стоять пред Богом, чтобы [молитва](#) твоя не обратилась в грех. Если же ты стараешься, но не успеваешь молиться без развлечения, то принуждай себя сколько станет сил, и продолжай стоять пред Богом, к Нему обращая ум и собирая его в себя самого, и Бог простит тебе; потому что не из пренебрежения, но по немощи не имел ты сил стоять пред Богом, как должно. Потому, если так будешь себя принуждать ко всякому делу благу, не переставай просить, пока не получишь просимого тобою, но терпеливо толкай в дверь Его, прося просимого. **"Всяк бо, – сказано, – просяй приемлет, и ищай обретает, и толкующему отверзется»** ([Лк. 11:10](#)). Ибо чего иного желаешь ты сподобиться, как не единого спасения в Боге? (5, 386).

17) Но говоришь: много раз просил я, – и не получил просимого. – Без сомнения не получил ты потому, что просил худо, – с неверием и рассеянно, или просил бесполезного тебе. А если и полезного просил, то не имел постоянства. Ибо

написано: «В терпении вашем стяжите души ваша» ([Лк. 21:19](#)), – и: «претерпевый... до конца, той спасен будет» ([Мф. 10:22](#)).

18) [Бог](#) знает сердце молящихся. Поэтому говоришь: какую нужду имеет Бог в нашем прощении? Разве не знает Он, в чем имеем нужду? Посему какая нужда в прощении? – Бог знает, что нам нужно, и все телесное щедро подает в наслаждение наше, еще прежде прошения нашего; будучи благ, "дождит Он на праведныя и неправедныя, и солнце свое сияет на злыя и благия" ([Мф. 5:45](#)). – Но веры, добродетели, достойной сего имени, царства небесного, если не будешь просить с трудом и многим терпением, не получишь, потому что должно прежде пожелать, а пожелав искать деятельно в вере и терпении, употребив с своей стороны все, так чтобы ни в чем не осуждала собственная совесть, будто бы просишь или нерадиво или лениво; и тогда уже получишь, если угодно сие Богу. Ибо Он лучше тебя знает, что полезно тебе. (Также).

19) И может быть – для того медлит Он даровать тебе просимое, чтобы заставить тебя неотлучнее пребывать пред Ним, и чтобы ты, узнав, что такое дар Божий (как трудно достается), со страхом хранил его. Ибо все, что приобретает кто со многим трудом, старается он сохранить, чтоб, потеряв то, не потерять и многого труда своего, и отринув благодать Божию, не сделаться недостойным жизни вечной. Посему не малодушествуй, если нескоро получаешь просимое. Ибо если бы благий Господь видел, что ты, скоро получив дар, не утратишь его, то готов был бы даровать оный и прежде твоего прошения. А теперь из попечительности о тебе делает Он это (т. е. не дает). Ибо если принявший талант и сохранивший его в целости осужден за то, что не пустил его в оборот; то не тем ли паче осужден будет утративший его? (5, 389).

20) Посему, зная это, получаем ли скорее, или медленнее, пребудем благодарными Господу: потому что все, что ни делает Владыка, домостроительствует во спасение наше: только ты да не будешь из малодушия прекращать прошения. Ибо Господь для того и сказал притчу о вдовице, которая своею неотступностию преклонила незаконного судию, чтобы и нас научить, своею неотступностию, достигать получения по прошениям своим. В этом выказывается и вера наша и любовь к Богу, когда, и нескоро получая, пребываем благодарными Ему. Будем же всегда благодарить Его, чтобы сделаться достойными сподобиться вечных благ Его.

21) Прежде всего должны мы всеми мерами удерживать помысл, установив над ним трезвенный надзор ума, чтобы не позволять душе предаваться необузданным стремлениям по влечению тела. Как телесное зрение – в глазе, так око души – в прирожденном ей уме. Когда душа, приводя в движение свою умную силу, какая естественно вложена в нее сотворшею ее Святою Троицею, желает должного и надлежащего, тогда избегает она нападений тела, предусматривая и обуздывая беспорядочные его движения, блюдет в себе приличную ей тишину, и среди безмолвного упразднения от всего, занимается свойственными ей созерцаниями; и сие делает, по возможности возводя внимательный взор к достопокланяемой Троице, и помышляя о неприступности Божией славы, по преизбытку ее сияния, о светлости Богоблаженства, о беспредельной Его премудрости, о мире в Нем

глубоком и ничем невозмутимом, о Его естестве бесстрастном и ни от чего не приходящем в движение. Когда душа, соблюдая мысленную силу свою в трезвении и свойственных ей деланиях, установится в описанных всеми созерцаниях, тогда она и нрав свой и стремления свои будет сильно направлять на то, что право и праведно, прекрасно и миротворно. Коль же скоро она перестанет устремлять ум свой горе и углубляться в надлежащие созерцания, тогда телесные страсти, как псы, оттолкнувшие надсмотрщика, тотчас с силою восстают и нападают на душу, – и каждая страсть усиливается истерзать ее. Когда душа сделает свою созерцательную и разумную силу всегда бодрственной, то усыпляет телесные страсти двояким образом, т. е. и тем, что бывает занята созерцанием лучшего и сродного, и тем, что надзирая за безмятежием тела уцеломудривает и утишает его страсти. Если же, возлюбив леность, оставит созерцательную силу в недеятельности, то телесные страсти легко увлекают душу к своим стремлениям и действиям.

22) Есть два способа, коими непристойные мысли вытесняют помыслы добрые: бывает сие или потому, что душа по собственному нерадению начинает блуждать мыслями около того, что непристойно, от одних мечтаний переходя к другим, более бессмысленным; или сие бывает по навету диавола, когда он успеваеет представить уму предметы неуместные и отвести его от созерцания и внимательного рассмотрения предметов похвальных. Когда душа сама, расстроив собранность и напряжение мысли, приводит себе на память всякие пустые вещи, и оставляет помысл бессмысленно и неразумно носиться по тем воспомянутым вещам, и, на них насмотревшись, переходит к дальнейшим блужданиям по вещам нередко неуместным и срамным: тогда такую распущенность и такое рассеяние души должно исправлять, усиленным напряжением воли восстанавливая внимание ума и заставляя его тут же заняться созерцанием предметов добрых. Когда же диавол покушается наветовать и усиленно напрягается в безмолвствующую и мирствующую в себе душу впустить свои, как разженные стрелы, помыслы, чтоб внезапно обжегши ее, заставить долее и неотразимее продержат на них помыслы: тогда, отражая и предотвращая такие нападения напряженным вниманием и трезвением, подобно борцу, который зорким наблюдением и проворством телодвижений успеваеет избегать удара, надобно предать молитве и призыванию, споборания свыше все, и прекращение брани и отражение стрел. Сему научает нас Павел, говоря: **«над всеми же сими восприимите щит веры, в немже возможете вся стрелы лукаваго ражженныя угасити»**(Еф. 6:16). Посему если и во время самых молитв враг будет влагать лукавые мечтания, душа да не перестает молиться, и да не почитает собственными своими произращениями эти лукавые всеяния врага, эти фантазии неистощимого в кознях чудодея; но рассудив, что появление непотребных мыслей бывает в нас по безотвязности изобретателя лукавства, тем усиленнее да припадает к Богу, и да молит Его рассыпать лукавое средостение, воздвигаемое памятью неуместных помыслов, дабы стремлением ума своего беспрепятственно всегда восходить к Богу, не бывая пресекаемы нападениями лукавых воспоминаний. Если и продолжится таковое насилие помыслов, по безотвязности воюющего с нами; то и в таком случае

не должно приходить в отчаяние, и не оставлять подвига на половине дела, но терпеливо пребывать в молитве дотол, пока [Бог](#), видя нашу твердость, не озарит нас благодатию Духа, обращающею в бегство наветника, очищающею и наполняющею божественным светом ум наш, и дающею помыслу нашему силу в неволненной тишине служить Богу.

23) От природы в нас есть вожделение прекраснаго. – Но что досточуднее Божией красоты? Какое представление приятнее Божия благолепия? Какое желание душевное так живо, и неудержимо, как желание поражаемое Богом в душе, очищенной от всего худого, которая с истинным расположением говорит: «[уязвлена \[есм\] любовью](#)» ([Песн. 2:5](#))? Подлинно неизреченны и неописанны молниеносные блистания Божией красоты; ни слово не может выразить их, ни слух вместить. Наименуем ли блеск денницы, или светлость луны, или сияние солнца, – все это недостойно явить и малое подобие славы Божией, и в сравнении с истинным Светом далее отстоит от Него, нежели глубокая ночь и ужаснейшая тма от полуденной ясности. Если красота сия незримая телесными очами, а постижимая только душою и мыслию, озаряла кого-нибудь из святых, и оставляла в нем неудержимое уязвление любви: то, тяготимые здешнею жизнью, говорили они: «[Увы мне, яко пришельствие мое продолжися](#)» ([Пс. 119:5](#)), «[когда прииду и явлюся лицу Божию?](#)» ([Пс. 41:3](#)), «[Возжада душа моя к Богу крепкому](#)» ([Пс. 41:3](#)). Столько были неудержимы в стремлении к Богу те, которых души коснулось божественное желание. По причине ненасытного желания созерцать Божественную доброту, они молились о том, чтобы зрение красоты Божией простиралось на всю вечность ([Пс. 21:4](#)).

24) Мы по природе имеем любовь и расположение к благодетелям и готовы бываем на всякий труд, чтобы воздать за оказанное нам благодеяние. -Но какое слово может изобразить Божии дары? Они таковы по множеству, что превышают всякое число, – так велики и важны по качествам, что достаточно и одного, чтобы обязать нас ко всякой благодарности Подателю. Умолчу о тех из них, которые, хотя сами по себе и чрезмерны величием и привлекательностью, однако же превышаемые светозарностью больших, как звезды сиянием солнечных лучей, не так ясно выказывают свою благотворность. Ибо нет времени, оставив превосходнейшее, измерять благодать Благодетеля меньшими Его дарами. Поэтому пусть будут преданы молчанию восхождение солнца, круговращение луны, благорастворение воздуха, смены годовых перемен, вода из облаков, вода из земли, самое море и вся земля, рождающееся из земли, живущее в водах, роды живых тварей в воздухе, тысячи различий между животными, все назначенное на служение нашей жизни. – Но одного, хотя бы кто и захотел, нельзя миновать, об одном даже совершенно невозможно молчать тому, кто имеет здравый ум и слово, – именно о том, что Бог, – сотворив человека по образу Своему и подобию, удостоив ведения о Себе, украсив пред всеми животными даром слова, дав ему наслаждаться безмерными красотами рая, поставив его князем над всем, что на земле, и после того, как перехищен быв змием, ниспал он в грех, а чрез грех в [смерть](#) и во все, что достойно смерти, – не

презрел его, но сперва дал ему закон, для охранения его и попечения о нем приставил Ангелов, для обличения порока и научения добродетели посылал пророков, порочные стремления пресекал угрозами, усердие к добрым делам возбуждал обетованиями, – а потом, когда мы и при всех таких пособиях, оказались неисправимыми, благоволил воззвать нас от смерти и оживотворить в Господе нашем Иисусе Христе предивным неким домостроительством. Ибо Он, «во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу: но Себе умалил, зрак раба прием» (Флп. 2:6, 7), – восприял на Себя и наши немощи, понес болезни, был язвен за нас, чтобы мы "язвою Его исцелели» (Ис. 53:5), «искупил ны есть от клятвы... быв по нас клятва» (Гал. 3:13), претерпел поноснейшую смерть, чтобы нас возвести к славной жизни, и не удовольствовался тем, но еще даровал нам достоинство причастия Божества, уготовал вечные упокоения, великостию утешений превышающие всякую человеческую мысль. – "Что убо воздадим Господеви о всех, яже воздаде нам?» (Пс. 115:3). – Когда все сие привожу себе на мысль, тогда (откроюсь в своей немощи) прихожу в какой-то ужас и страшное исступление от боязни, чтобы по невнимательности ума или по причине занятия суетным, отпав от любви к Богу, не сделаться мне некогда укоризною Христу. Ибо тот, кто ныне обольщает нас, и мерзкими приманками всемерно старается произвести в нас забвение о Благодетеле к погибели душ наших, тогда сие забвение наше обратит в укоризну Господу, хвалясь нашею непокорностью и нашим отступничеством; потому что он не сотворил нас и не умер за нас, однако же имел нас своими последователями в непокорности и нерадении о заповедях Божиих. Эта укоризна Господу и эта похвальба врага для меня кажутся тяжелее геенских мучений – врагу Христову послужить поводом ко превозношению пред Тем, Кто за нас умер и воскрес.

25) Надобно всяким хранением блюсти свое сердце (Притч. 4:23), чтобы никак не терять мысли о Боге, и памятования о чудесах Его не осквернять представлениями суетного, но святую мысль о Боге, постоянным и чистым памятованием напечатленную в душах наших, всюду носить с собою, как неизгладимую печать. Ибо таким образом приобретается нами любовь к Богу, которая и возбуждает к исполнению заповедей Господних, и вместе опять сама ими соблюдается, делаясь непрерывною и непоколебимою.

26) Во всяком предстоящем нам деле, волю Повелевшего должно поставлять для себя целью, и по оной направлять тщательность свою, как и о Себе говорит Господь: «снидох с небесе, не да творю волю Мою, но волю пославшаго мя Отца» (Ин. 6:38). Ибо как необходимые в жизни искусства, предположив некие свойственные им цели, к ним направляют частные действия; так, поелику и нашим делам положены один предел и одно правило – исполнять заповеди благоугодно Богу, то не иначе можно преуспеть с точностию в деле, как совершая оное по воле Давшего заповеди. А при строгой тщательности совершать дело по воле Божией возможно будет чрез памятование вступить в единение с Богом. – Христианин всякое действие, маловажное и важное, должен соотносить с волею Божиею, и вместе хранить мысль о Том, Кто повелел так поступать. А кто в деле своем нарушает

точность заповеди, тот очевидно, слабо помнит о Боге. – Посему помня слова Сказавшего: «Еда небо и землю не Аз наполняю?» ([Иер. 23:24](#)), – и еще: «Бог приближаясь Аз есмь... а не Богиздалеча» ([Иер. 23:23](#)), – надобно всякое дело совершать, как бы оно делалось пред очами Господа, и всякую мысль слагать, как бы Господь назирал ее. В таком случае и всегдашний страх будет, и любовь усовершится.

27) Откуда рассеянность и помыслы? И как их приводить в порядок? – Рассеянность происходит от праздности ума, незанимающегося необходимым. А ум остается в праздности и беспечности от неверия в присутствие Бога, испытующего сердца и утробы. Ибо если кто поверит сему, то, без сомнения, сделает сказанное: «Предзрех Господа предо мною... яко одесную мене есть, да не подвижуся» ([Пс. 15:8](#)). А кто достиг сего и подобного сему, тот никогда не осмелится и не будет иметь досуга помыслить что-либо не клонящееся к созиданию веры, хотя бы казалось это и хорошим, а не только что-нибудь запрещенное и неуютное Богу.

28) Каким образом преуспеть в нерассеянности? – Если кто усвоит себе мысли избранного Давида, который говорил – иногда: «Предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся» ([Пс. 15:8](#)), – иногда же: «Очи мои выну ко Господу, яко Той исторгнет от сети нозе мои» ([Пс. 24:15](#)), – а иногда: «Се, яко очи раб в руку господий своих, яко очи рабыни в руку госпожи своея: тако очи наши ко Господу Богу нашему» ([Пс. 122:2](#)). И чтобы малым примером озаботить нам себя к тщательнейшему приобретению важнейшего, пусть каждый размыслит сам с собою, как он ведет себя в присутствии других, хотя бы и равных себе, как старается достигнуть того, чтобы не осудили чего в уменье его держать себя, в походке, в движении каждого члена и в выговоре. Но как пред людьми стараемся соблюдать видимое для людей, так и гораздо еще более кто несомненно уверен, что имеет зрителями -Бога, по написанному, «испытующаго сердца и утробы» ([Пс. 7:10](#)), – и едиnorodного Сына Божия, исполняющего обетование: «идеже... еста два или трие собрани во имя Мое, ту есмь посреде ихъ» ([Мф. 18:20](#)), – и Святаго Духа, Который управляет нами, разделяет дарования и действует в нас, – и Ангелов-хранителей каждого из нас, по сказанному Господом: «Блюдите, да не презрите единого [от] малых сих: глаголю бо вам, яко ангелы их на небесех выну видят лице Отца Моего небеснаго» ([Мф. 18:10](#)); тот возлагает на себя важнейший и труднейший подвиг, как благочестие свое сделать богоугодным; и таким образом сильнее и совершеннее утверждается в нем нерассеянность, особенно же если постарается исполнить сказанное: «Благословлю Господа на всякое время, выну хвала Его во устех моих» ([Пс. 33:2](#)), чтобы, при неослабном и непрестанном созерцании славы Божией, ум не находил и времени к рассеянию.

29) От чего бывает, что в уме как бы оскудевают благие помыслы и попечения угодные Богу? и как предохранить себя от этого? – поелику Давид говорит: «Воздрема душа моя от уныния» ([Пс. 118:28](#)), то видно из сего, что бывает это от душевной дремоты и от бесчувствия. Ибо в душе бодрственной и трезвящейся не оскудевают и попечение угодное Богу и помысл благий, а напротив того видит она, что сама для них недостаточна; потому что если око телесное недостаточно к рассмотрению

каких-либо немногих Божиих созданий, и не насыщается, посмотрев на что-либо однажды, но и непрестанно рассматривая одно и то же, не перестает однако же смотреть: то тем паче душевное око, если оно бодрственно и трезвенно, недостаточно к созерцанию Божиих чудес и судеб. Ибо сказано: «судьбы Твоя бездна многа» (Пс. 35:7), – и в другом месте: «Удивися разум Твой от Мене, утвердися, не возмогу к нему» (Пс. 138:6), – и многое подобное сему. Если же оскудевает в душе благий помысл, то явно, что оскудевает в ней также и просвещение, не по оскудению просвещающего, но от дремоты того, что должно быть просвещено.

30) Блаженна душа, которая день и ночь не имеет другого попечения, кроме сего одного, как в великой тот день, когда вся тварь предстанет Судии дать отчет в делах своих, и ей незатрудняясь ответить за жизнь свою. Кто имеет у себя пред глазами этот день и час, и всегда помышляет об оправдании на непогрешимом судилище, тот или вовсе не согрешит, или согрешит весьма мало; потому что грешим мы по отсутствию в нас страха Божия. А в ком ясно напечатлено ожидание угрожающего, тому живущий в нем страх не даст времени впадать в поступки, или помышления необдуманные. Итак памятуй о Боге, имей в сердце страх Божий и всех призывай в общники и пособники молитвенные, ибо велика помощь от тех, которые могут умиловить Бога. И ты не переставай делать это. Ибо МОЛИТВА их будет нам, и пока живем, добрым помощником в жизни сей, и когда будем отходить отселе, послужит достаточным напутствием к будущему веку. – Но как попечение о будущем ответе есть дело доброе, так опять малодушие и безнадежие принадлежит к предметам душепагубным. Уповай на благость Божию, и ожидай от Бога заступления, зная, что если обращаемся к Нему как должно и искренно, то Он не только не отринет нас вовсе, но пока еще произносим слова молитвы, скажет: «Се Аз!».

31) «Поклонитесь Господеву во дворе святем Его» (Пс. 28:2). Двор Господа – святая ЦЕРКОВЬ. Надобно поклоняться Господу не вне святого двора сего, но находясь внутри его, чтоб оставаясь вне и увлекаясь внешним, не превратить в ничто пребывания своего во дворе Господа. Ибо многие по наружности стоят на молитве, но не суть во дворе, потому что мысль их носится туда и сюда, и ум развлечен суетною заботою.

32) «В храме Его всякий глаголет славу» (Пс. 28:9). Да слышат сии слова, и да стыдятся те, которые предаются многоглаголанию. Что говорит Псалом? Кто в храме Божиим, тот не злословит, и не слова о суете и срамных вещах износит из уст, но «в храме Его всякий глаголет славу». Здесь стоят св. Ангелы и записывают твои слова; здесь сам Господь, – и назирает расположение входящих. МОЛИТВА каждого открыта пред Богом: Ему открыто, кто по расположению, кто разумно просит небесного, кто только для вида, одними краями уст, выговаривает слова, и сердце его далеко отстоит от Бога, кто хоть и молится, но просит лишь здоровья телесного, богатства вещественного, славы человеческой. В храме же Божиим надлежит преимущественно глаголать славу Божию. Славословить Бога – занятие Ангелов. Для всего небесного воинства одно дело – воссылать славу Создателю. Всякая тварь, и молчащая и говорящая, и премирная и земная, славит Создавшего. А жалкие люди, оставя дома

и стекшись в храмы, не приклоняют слуха к словесам Божиим, не исполняют долга естества (славословить), не скорбят, что состоят под властью греха, не сокрушаются вспоминая о грехах, не трепещут суда; но с улыбкою простирая друг к другу руки, дом молитв делают местом длинных бесед, не внимая Псалму, который свидетельствует и говорит, что «**в храме Божием всякий глаголет славу**». А ты не только не глаголешь славы, но и другому служишь препятствием, обращая его внимание на себя, и своим шумом заглушая учение Духа. Смотри, как бы вместо получения награды за славословие, не выйти тебе отсюда осужденным вместе с хулящими имя Божие. У тебя есть псалом, есть пророчество, есть Евангельские заповеди и Апостольские [проповеди](#). Пусть поет язык; пусть ум изыскивает мысль сказанного, чтобы воспеть тебе духом, воспеть же и умом. Бог не требует славы, но хочет, чтобы ты стал достоин прославления. «**Еже бо... сеет человек, то и пожнет**» ([Гал. 6:7](#)). Посей славословие, чтобы пожать тебе венцы, и почести, и похвалы в Царстве Небесном.

33) «**Господи Боже мой, воззвах к Тебе, и исцелил мя еси**» ([Пс. 29:3](#)). – Блажен, кто знает внутреннюю язву свою, может придти к Врачу и сказать: «**исцели мя, Господи... исцели душу мою, яко согреших Тебе**» ([Пс. 6:3, 40:5](#)). – Но здесь Пророк приносит вместе и благодарение за поданное ему исцеление: «**воззвах к Тебе, и исцелил мя еси**». Не было промежутка между воззванием и Твоею благодатию: едва воззвал я, как пришло и исцеление. Молящийся Богу должен говорить не маловажное, чтобы пришло к нам скорое исцеление.

34) «**Пойте Господеви, преподобнии Его**» ([Пс. 29:5](#)). Не всякий тот поет Господеви, кто произносит устами слова Псалма, но лишь те, которые от чистого сердца воссылают псалмопения, все, которые преподобны и хранят правду пред Богом, все такие могут петь Богу, верно соблюдая духовные рифмы (духовное настроение). Сколь многие пришли сюда – такие, которые скрывают в сердце неправду? Такие не могут петь, как должно. Они представляют себя поющими, но не поют в действительности: ибо Псалом приглашает к песнопению преподобного. «**Не может древо... зло плоды добры творити**» ([Мф. 7:18](#)), и порочное сердце износить из себя слова жизни (духовной). Очистите сердца, чтобы плодоносить духовное, и тогда, став преподобными, сможете петь Господу разумно.

35) «**Отвратил... еси лице Твое, и бых смущен**» ([Пс. 29:8](#)). Пока лучи Твоего посещения, говорит Пророк, осиявали меня, я проводил жизнь в непоколебимом и безмятежном состоянии. Но когда «**отвратил еси лице Твое**»; тогда обличилось страстное и смущенное состояние души моей. – Будем же непрестанно молиться, чтобы осиявало нас лице Божие, чтобы нам быть в священнолепном состоянии, тихими и ничем несмущенными, по готовности нашей к добру.

36) «**Кая польза в крови моей, вегда сходити ми во истление?**» ([Пс. 29:10](#)). Что мне, говорит, пользы в благосостоянии плоти и во множестве крови, когда она будет предана общему разрушению? «**Но умерщвляю тело мое и порабощаю**» ([1Кор. 9:27](#)), чтобы утучнение плоти не послужило поводом ко греху. Не угождай плоти сном, банями, мягкими постелями, непрестанно повторяя слово сие: «**Кая польза в крови**

моей, **всегда сходити ми во истление?»** Для чего заботишься о том, что вскоре сотлеет? Для чего утучняешь себя и отягощаешь плотью? Разве не знаешь, что чем более дебелию сделаешь ты плоть свою, тем более тягостное узилище приготовишь душе?.

37) **«Радуйтесь, праведнии, о Господе» (Пс. 32:1).** «Радуйтесь... о Господе» – не тому, что благоуспешны дела ваши, не тому, что наслаждаетесь телесным здоровьем, не тому, что поля ваши изобилуют всякими плодами; но тому, что имеете Господа, Который, так прекрасен, так благ, так премудр. Псалом побуждает праведных восчувствовать то свое достоинство, что удостоены быть рабами такого Владыки, и восхищаться своим рабством Ему с неизреченною радостью и с скаканиями, как бы рвалось у них сердце от восторга любви к Благому. Если когда либо в сердце твоём как бы ниспавший свет произвел внезапную мысль о Боге, и озарил твою душу так, что ты возлюбил Бога, а мир и все телесное презрел; то из сего слабого и малого подобия познай полное состояние праведных, которые равномерно и непрерывно возрастают в веселии о Боге. Тебя по временам и редко посещает сия радость, по смотрению Божию, чтобы малое ее вкушение приводило тебе на память, сколь великого блага у тебя недостает. А в праведнике-постоянно божественное и небесное веселие, потому что в нем несомненно обитает Дух. Господь для праведных есть как бы место, их вмещающее, – такое место, в которое вступающему нельзя не благодушествовать и не веселиться. И праведный делается местом для Господа, приемлющим Его в себя: а грешник дает в себе место диаволу (Еф. 4:27). Посему, пребывая в самом Господе, и, сколько можем, созерцая чудеса Его, из созерцания сего приобретем веселие для сердец своих.

38) Если кто, водимый Святым и человеколюбивым Духом, не мечтая о самом себе, но унижая себя, чтобы возвысить других, возопиет духом, испрашивая чего-либо великого, и не произнесет ничего недостойного и низкого, выражающего искание земного и мирского, то вопль сего просящего услышан будет Господом.

39) **«Бог нам прибежище и сила» (Пс. 45:2).** Не убегай чего не должно и не прибегай к кому не должно. Но пусть будет у тебя одно избегаемое – **грех**, и одно прибежище – Бог. Многие говорят: Бог нам прибежище; но очень немногие говорят сие с таким же расположением, как и Пророк: ибо не все во всем предаются Богу, не все Им одним дышат, не все в Нем едином имеют надежду и уверенность. И самые дела обличают нас, когда во скорбях скорее прибегаем ко всему прочему, только не к Богу. Больно у тебя дитя? Ты ищешь ворожею, или вешающего на шею невинным младенцам пустые надписи. Возмутил тебя сон? Ты бежишь к снотолкователям. Устрашился ты врага? Ищешь заступника в ком либо из людей. Вообще при всякой нужде обличаешь себя сам, что на словах Бога называешь прибежищем, а на деле домогаешься помощи от бесполезного и суетного. Но праведнику истинная помощь – Бог. Как военачальник, имея храбрых воинов, всегда готовь вспомоществовать изнемогшим: так и Бог, – наш помощник и сподобник всякого, сражающегося против козней диавола, посылает служебных духов к требующим спасения.

40) Пророк сказал: «**приклони ухо**» ([Пс. 114:2](#)), не для того, чтобы ты составлял какое-нибудь чувственное понятие о Боге, будто бы имеет Он уши и приклоняет их по причине тихого голоса, как делаем мы, приближая слух свой к говорящим слабо, чтобы лучше услышать произносимое. Он сказал: "**приклони**», чтоб показать собственную свою немощь, т. е. снизойди по человеколюбию ко мне лежащему долу, как человеколюбивый врач, приклоняя слух свой к больному, который от великого изнеможения не может говорить внятно, чтобы вблизи яснее узнать нужды страждущего. Божий слух для услышания не имеет нужды в звуках голоса. Бог и по движениям сердца узнает просимое. Или не слышишь, как Моисей, который ничего не говорит, но в бессловных воздыханиях молит Господа, услышан был Господом, Который сказал ему: «**что вопиеш ко Мне?**» ([Исх. 14:15](#)).